

міфах, а зараз і ў творах навуковай фантастыкі. Гэтыя творы і рэалістычная літаратура адрозніваюцца паміж сабою тым, што вобраз «структурна возможнага» свету ўсё ж такі адрозніваецца ад свету рэальнага. Тэрмін «структурны» патрэбна ўспрымаць шырока, але ў першую чаргу там, дзе могуць быць выяўлены сістэма, структура, састаўныя часткі з самастойнымі функцыямі кожнай часткі. Гэта можа быць і касмалагічная структура, сацыяльная, біялагічная. Напрыклад, свет у байках (Эзоп, Крылоў, Крапіва) структурна адрозніваецца ад свету рэальнага ў заалагічных адносінах. «Утопія» Т.Мора, «Горад Сонца» Т.Кампанелы — структуры сацыяльныя.

Вельмі складанае становішча з творамі навуковай фантастыкі, якія мадэлююць іншыя цывілізацыі. Тут узнікае адрозненне адразу і сацыяльнае, і фізічнае, і біялагічнае (напрыклад, у раманах Урсулы ле Гуін «Левая рука цемры»).

Значнае месца ў паэтыцы твораў навуковай фантастыкі займаюць меркаванні, прагнозы, прадбачэнні. Выкарыстоўванне навуковых поглядаў, гіпотэз, проста навуковага матэрыялу аўтаматычна вядзе да таго, што ўзнікае тэма вынікаў прымянення навуковага адкрыцця ці вынаходніцтва. Узнікае моцная сцэпка: навука—тэхніка—літаратура. А паколькі апісанне таго, чаго яшчэ няма, уваходзіць у сферу навуковай фантастыкі, то тут і пачынае працаваць яе паэтыка.

Няфёдаў В.В.,
прафесар

ЧЕРТЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ Б.ОКУДЖАВЫ

Булат Окуджава прыйшоў к рускаму і беларускаму чытацелю ў 50-е гады. С таго часу і по сей дзень яго лірыка пользуется бoльшим успехом у самых разных людей: представителей художественной, научно-технической интеллигенции, у студентов, рабочих, жителей села.

50 -- 60-е гг. -- время яркого расцвета поэзии. Гуманистическим пафосом и публицистической направленностью в утверждении идеалов красоты проникнуты стихи поэтов старших поколений -- Анны Ахматовой, Бориса Пастернака, Николая Заболоцкого, Александра Твардовского, Ильи Сельвинского, Владимира Луговского, Ярослава Смелякова; поэтов военного и послевоенного поколений -- Евгения Винокурова, Глеба Горбовского, Владимира Соколова, Сергея Видулова, Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Роберта Рождественского, Николая Рубцова. К этим последним принадлежит и Булат Окуджава. Читатели тогда говорили о «второй весне» старых поэтов и о влекущей свежести, новизне переживанной поэтической молодёжи.

Окуджаву питет без ложного пафоса. Он раскрывает поэзию чувств, близких и понятных людям вне зависимости от их национальности. Он любит краски родной природы. Он не мыслит жизни без внимания к простым людям. Он убежден в том, что гражданское мужество украшает человека.

Окуджаву раскрывает душу и как исполнитель песен: для стихов он находит безыскусственные и хватающие за краешек сердца мелодии. Он прекрасно владеет гитарой, выступает с эстрады. В его облике, манере исполнения есть своеобразный притягательный шарм. Он не пишет стихов о космосе, о ракетах или о величии грандиозных социально-экономических строев, зато он знает цену смутной улыбке жизни, её горечи, искрометной пьянящей радости, цену человеческой солидарности. Он знает тайну слов и силу надежды.

Итак, Окуджава -- признанный лирик. Поэтому стоит разобраться поконкретнее в читательских впечатлениях от его стихов.

Чувства поэта открываются сердцем, впитываются их: пусть несёт тебя лирическая волна. Испытывай настроение Окуджавы, и жизнь идёт, как стихи.

Его настроения? Нежность в любви к Родине, как в «Песенке об Арбате». Тот самый чеховский Арбат, как он дорог ему! Окуджава -- его частица, этого тёплого родного мира. Поэт пленён обликом Арбата, взволнованно вдумывается в звучание дорогого слова: «Ты течёшь, как река. Странное название! И прозрачен асфальт, как в реке вода».

Этот чудесный образ мог родиться только от большого и задушевного чувства. При том в образе нет нарочитости, он подсказан визуальными впечатлениями, сжатыми с мастерством настоящего лакониста. Сравните в «Улице моей любви»: «...где асфальт прозрачен просто, голубсет, как январский наст...»

Течёт «песенка»: «Ах, Арбат, мой Арбат, -- ты -- моё призвание. Ты -- и радость моя, и моя беда. Пешеходы твои, люди не великие, каблуками стучат, по делам спешат».

Не хватает слов для любви! И вот поэт придумал необыкновенное слово, передающее сердечный трепет: «Ах, Арбат, мой Арбат, Ты -- моя религия...»

Слова об Арбате «Ты -- моя религия» вызвали раздражение критиков. Действительно, пример уникального словоупотребления. Так воплощается эмоция молитвенной любви к родному дому: никакой воспальённости, одна простота. Поэт избежал традиционных определений любви к Москве: Москва -- великая, Москва -- древняя...

Таким образом, Окуджаву отличают и подлинный лиризм, и редкая в наше время дисциплина письма.